УДК 355.231(47).063/073 DOI: 10.12737/11695

ТРАДИЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1701 – 1855 ГГ.

***Гребенкин А. Н.*[1]**

В статье рассмотрено развитие традиций организации учебно-воспитательной работы в российской военной школе в 1701 – 1855 гг. Выявлены факторы формирования учебно-воспитательных традиций. Раскрыт характер учебно-воспитательных традиций, обоснована логика их развития. Детально описано развитие основных традиций на протяжении исследуемого периода. Сделан вывод о том, что традиции, сложившиеся в исследуемый период, сохранились и после милютинских реформ.

Ключевые слова: традиция, учебно-воспитательная работа, военно-учебное ведомство, Российская империя.

TRADITIONS OF ORGANIZATION OF EDUCATIONAL AND UPBRINGING WORK IN MILITARY SCHOOLS OF RUSSIAN EMPIRE IN 1701 – 1855

GREBENKIN A.N. - Candidate of Historical Sciences, Department of Russian History of Orel State University (Russian Federation, Orel, e-mail: angrebyonkin@mail.ru

In the article the development of traditions of educational and upbringing work in Russian military school in 1701-1855 is presented. The factors of formation of educational and upbringing traditions are revealed. The character of educational and upbringing traditions is considered, the logic of their development is substantiated. The development of main traditions during the studied period is described in details. The author comes to the conclusion that traditions which formed during the studied period remained even after Milutin reforms.

Keywords: tradition, educational and upbringing work, military training department, Russian Empire.

Гребенкин Алексей Николаевич - Орловский государственный университет, кандидат исторических наук, соискатель ученой степени доктора исторических наук кафедры истории России (Российская Федерация, г. Орел), e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Современная российская военная школа переживает эпоху структурных реформ, которые не могут оставить равнодушными не только военнослужащих, но и общество в целом. Каждый шаг, который планируют сделать реформаторы, должен быть тщательно продуман. Неоценимую помощь им может оказать исторический опыт модернизации военно-учебных заведений – ведь наша система подготовки офицеров уже отметила трехвековой юбилей. За это время в процессе ее функционирования сложился целый комплекс как положительных, так и отрицательных традиций, устойчиво транслируемых из поколения в поколение, зачастую вопреки усилиям руководителей и педагогов. Содержательный комплексный исторический анализ этих традиций может помочь сформулировать рекомендации для тех, кто перестраивает сегодняшнюю военную школу. В настоящей работе представлены результаты исследования первых полутора столетий развития учебно-воспитательных традиций в российских кадетских корпусах.

Несмотря на то, что первые военно-учебные заведения в России появились еще в Петровскую эпоху, планомерная организация образовательного процесса в них началась лишь в последней трети XVIII в. Законодательное закрепление принципов учебно-воспитательной работы произошло при Николае I. По мнению Ю.В. Кожухова, первые полтора века функционирования отечественной военной школы можно охарактеризовать как «начало поиска путей построения учебной и воспитательной работы на научно-педагогической основе»[1]. Этот поиск носил случайный и непоследовательный характер, взаимоотношения между воспитателями и воспитанниками строились на формально-уставной основе, а воспитательная работа велась на эмпирическом уровне.

Однако в течение 1701 – 1855 гг. состояние учебно-воспитательной работы в российских военно-учебных заведениях отнюдь не оставалось неизменным. Это было время не только начала поиска путей научной организации учебно-воспитательного процесса, но и достижения определенных результатов – как отрицательных, так и положительных. За полтора века существования отечественной военной школы в ее недрах сложился целый ряд традиций организации учебной и воспитательной работы, которые не могли не оказать влияния на поиск оптимальных методов и форм осуществления учебно-воспитательной деятельности в «милютинских» военных гимназиях, пореформенных кадетских корпусах, военных и юнкерских училищах.

Генезис традиций организации учебно-воспитательной работы в отечественной военной школе был обусловлен совокупностью факторов. На первое место следует поставить правительственную политику в отношении военно-учебного ведомства. Социальный заказ, уникальный для каждой эпохи, диктовал требования, предъявляемые к офицеру. Выпускник военно-учебного заведения в Петровскую эпоху должен был быть прежде всего техническим специалистом. Выпускники

[1] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа. (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): Дис. ... канд. пед. наук. – М.: МПГУ, 1996. – С. 39-40.

кадетского корпуса аннинского и елизаветинского времени воспринимались как высокообразованные люди, предназначенные к занятию высших должностей не только в военном, но и в гражданском ведомстве, – полководцы, министры, дипломаты. Екатерина II считала кадетские корпуса «рассадниками великих людей» – носителей просветительских идеалов. Наконец, ее внуки, Александр I и Николай I, полагали, что из стен кадетских корпусов должны выходить командиры и военные специалисты, не обремененные излишними знаниями и не склонные к нежелательным «умствованиям».

В качестве второго фактора выступали взгляды и деятельность непосредственных руководителей военно-учебных заведений. Поскольку контроль их действий не был отработан, многие вопросы они решали, руководствуясь собственными соображениями. Способный, энергичный и волевой начальник или директор проводил в жизнь указания высшего руководства, многое при этом добавляя от себя (особенно в части, касающейся форм реализации этих указаний). Бездарный рутинер или прибегал к репрессиям, или пускал дело на самотек. Этот фактор был особенно сильным до 1830 г., когда единое руководство системой военного образования фактически отсутствовало.

Третьим фактором являлось общее состояние системы образования. В условиях недостатка гражданских учебных заведений военная школа была вынуждена выполнять и их задачи. Это не могло не сказаться на содержании учебных планов. Кроме того, традиции, складывающиеся в гражданской школе, проникали и в военно-учебные заведения.

Четвертый фактор – это социокультурный облик общества в целом. Нежелание дворян посылать своих детей в школы вынудило Петра I прибегнуть к репрессиям. Стремление Екатерины II отгородить будущих «великих людей» от невежественной и косной дворянской массы привело к установлению жесткого интернатного режима. Взгляд русского общества на розгу как на главное педагогическое средство полностью разделялся не только многими руководителями кадетских корпусов, педагогами, но и, как это ни странно, самими воспитанниками.

Сложное, диалектически противоречивое развитие военной школы привело к возникновению нескольких разнонаправленных традиций учебно-воспитательной работы. Никогда не подавляя друг друга полностью, они причудливо сочетались, и в зависимости от конкретной ситуации то одна, то другая из них выступала на первый план.

Первой парой противоположных друг по отношению к другу традиций организации учебно-воспитательной работы в российской военной школе в 1701 – 1855 гг. были энциклопедизм и утилитаризм.

Начало традиции утилитаризма было положено Петром I. Главной задачей созданных им Школы математических и навигацких наук и Академии морской гвардии было сообщение воспитанникам специальных знаний, необходимых военному инженеру, артиллеристу, моряку. Задача фундаментального общего и военного образования офицеров на повестке дня тогда не стояла, и скромные требования к объему их научной подготовки были продиктованы военными нуждами.

После открытия в 1731 г. первого кадетского корпуса традиция утилитаризма подверглась модификации в соответствии с двуединой целью этого учебного заведения – подготовкой офицеров и гражданских чиновников. Кадет предполагалось обучать «арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действу, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам»[1]. Цель же «политического и гражданского обучения» вынуждала обучать воспитанников иностранным языкам, истории, географии, юриспруденции, танцеванию, музыке и «прочим полезным наукам». Продекларированный обширный учебный план положил начало традиции вынужденного энциклопедизма, ибо кадетский корпус должен был выполнять функцию дворянского университета.

В царствование Екатерины II вынужденный энциклопедизм превратился в сознательный. Это изменение традиции нашло отражение в новом Уставе Сухопутного шляхетного корпуса, сочиненном в 1766 г. И.И. Бецким. Согласно данному уставу, учебный план заведения включал в себя 31 учебную дисциплину. Дисциплины делились на: 1) руководствующие к познанию прочих наук (логика, начальные основания математики, красноречие, история, география, языки и т.п.), 2) предпочтительно нужные гражданскому званию (нравоучение, государственная экономия, естественное, всенародное и государственное право), 3) полезные (физика, астрономия, навтика (сведения о морском искусстве), натуральная история, воинское искусство, фортификацию и артиллерия, а также химия) и 4) художества (рисование, живопись, гравирование, изваяние, делание статуй, архитектура, музыка, танцевание и фехтование)[2].

Традиция утилитаризма отступила на второй план, но тем не менее сохранилась: выпускники должны были знать, «как построить крепость или редут, сделать мост на барках или на плотах, сделать шлюз, назначить компамент и прочее»[3].

В Павловскую эпоху традиция утилитаризма вновь взяла верх. Ее апогеем стало николаевское царствование. Многопредметный учебный план сохранился, однако его прежнее значение было утрачено, и научное образование офицеров в большинстве заведений превратилось в фикцию.

Другой парой разнонаправленных традиций были гуманизм и милитаризм. При доминировании первой традиции главной целью военно-учебных заведений было воспитание человека, при доминировании второй – воспитание воина.

До 1731 г., безусловно, доминировала вторая традиция – кадет учили лишь тому, что было необходимо военному специалисту. После 1731 г. к задаче подготовки офицеров была добавлена задача подготовки гражданских чиновников, которая несколько смягчила милитаристскую направленность учебно-воспитательного процесса. Торже-

[1] Об учреждении кадетского корпуса // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. VIII. – С. 5811.
[2] Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. – СПб., 1766. – С. 9.
[3] Там же. – С. 31.

ство гуманистической традиции пришлось на время правления Екатерины II, когда в основу российской системы образования были положены педагогические взгляды И.И. Бецкого, нашедшие отражение в докладе «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» и в «Уставе Императорского сухопутного шляхетного кадетского корпуса». Мысль о воспитании «новой породы людей» была горячо поддержана императрицей. Так, Сухопутный шляхетный кадетский корпус превратился в «рассадник великих людей». Своего апогея гуманистическая традиция достигла в 1787 – 1794 гг., когда директором корпуса был граф Ф.-Е. Ангальт. Знаменитая «muraille parlante» («говорящая стена») в саду корпуса, свободный доступ к многочисленным книгам, приборам и даже музейным экспонатам, грамотная организация внеклассного чтения – все это, безусловно, способствовало развитию личности кадет. Однако при этом главная задача заведения – подготовка офицеров – была сочтена второстепенной. Ангальт, сам бывший боевым офицером, участвовавшим в сражениях, почти забыл про нее и сознательно превратил корпус в оранжерею. В итоге его питомцы, по словам одного из них, Ф.Н. Глинки, «несмотря на всю роскошь своего воспитания, долго не могли сделаться деловыми, годными работниками…»[1] Екатерина II, охладевшая к тому времени к идеям Бецкого, равнодушно относилась к педагогическим экспериментам Ангальта, а после его смерти назначила новым директором М.И. Кутузова, которому велела «подтянуть» корпус. Слова Кутузова о том, что он будет обращаться с кадетами не как с детьми, а как с солдатами, ознаменовали возрождение традиции милитаризма. Парадомания, которой была заражена армия в Павловскую эпоху, лишь укрепила эту традицию. Ее безраздельное господство продолжалось до Великих реформ Александра II. Продекларированные в Уставе 1830 г. задачи религиозно-нравственного воспитания были подчинены главной цели – подготовке офицера. В «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений», написанном Я.И. Ростовцевым в 1849 г., было указано, что воспитанник военно-учебного заведения должен был выходить из него «христианином, верноподданным, русским, добрым сыном, надежным товарищем, скромным и образованным юношей, исполнительным, терпеливым и расторопным офицером»[2]. Однако и в этом случае сообщение вышеперечисленных качеств было необходимо для того, чтобы внушить воспитаннику «чистое желание отплатить государю за его благодеяния – честной службой, честной жизнью и честной смертью». Лишь в 1856 г. Н.И. Пирогов в своей статье «Вопросы жизни» поставил вопрос о приоритете общего образования перед узкопрофессиональным, и гуманитарная традиция малопомалу начала воскресать.

[1] Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. – 1846. – Ч.1. – № 2. – С. 37-38.

[2] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. – СПб., 1849. – С. 2.

Еще одной парой разнонаправленных традиций были элитарность и демократизм. Безусловно, высокое положение офицера в обществе сообщало всему, что имело отношение к армии, элитарный характер. До 1845 г. человек, произведенный в офицеры, становился потомственным дворянином, поэтому право получения военного образования было предоставлено лишь дворянам. Самым элитным военно-учебным заведением был Пажеский корпус – в николаевское царствование право на поступление в него было предоставлено лишь сыновьям и внукам лиц, имевших чин не ниже генерал-лейтенанта или тайного советника. В Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров могли поступать лишь кандидаты Пажеского корпуса или дети обеспеченных родителей – согласно Положению 1838 г., право на обучение в Пажеском корпусе за счет казны было предоставлено лишь пажам[1].

Однако военно-учебным заведениям не был чужд дух демократизма и благотворительности. Запрет на зачисление в корпуса недворян был законодательно установлен лишь в 1833 г.2; до этого сыновья мелких чиновников недворянского происхождения, хотя и в порядке исключения, имели возможность получить военное образование.

Кроме того, в екатерининское царствование при Сухопутном и Морском кадетских корпусах существовали гимназии (вернее, особые гимназические отделения), в которых дети мелких чиновников, купцов или учителей незнатного происхождения обучались тем же наукам, что и кадеты, с целью последующего занятия учительских должностей[3]. Гимназисты учились и обедали отдельно, у них был свой угол в спальне, они носили не мундиры, а фраки и выпускались гражданскими чинами. Принятие в корпус гимназистов помимо основной, чисто практической цели преследовало и побочную – воспитательного характера. Кадеты-дворяне, видя рядом с собой выходцев из недворянской среды, находившихся в приниженном положении и лишенных надежды на блестящую карьеру, должны были ежеминутно испытывать чувство благодарности к правительству и, оправдывая доверие, усердно учиться и хорошо себя вести. Однако Бецкой, автор этой идеи, не принял во внимание детскую жестокость. Сразу же после появления в корпусных стенах гимназистов кадеты стали изощренно их травить, и руководство было вынуждено изменить распорядок дня таким образом, чтобы гимназисты и кадеты не имели возможности общаться друг с другом[4].

---

[1] Высочайше утвержденное положение о Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XIII. – Отд. 2-е. – 11635 с.

[2] О незачислении кандидатами в кадетские корпуса детей лиц, происходящих не из дворян // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. VIII. – Отд. 1-е. – 5982 с.

[3] Глебов П.Н. Военно-учебные заведения, подведомственные Е.И.В. главному их начальнику в царствование императрицы Екатерины II // Отечественные записки. – 1845. – Т. 42. – № 10. – С. 69.

[4] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – С. 118.

Гимназия для образования учителей, состоявшая при Морском кадетском корпусе, была закрыта в 1826 г. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3066. Л. 272 об.). Во Втором кадетском корпусе и Военно-сиротском доме гимназисты обучались до конца 1820-х гг. Последнее упоминание об обучении гимназистов в Первом кадетском корпусе относится к 1833 г. (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 348. Л. 9 – 10 об.; 39 об. – 40 об.; 71– 72 об.).

Наконец, еще одной парой разнонаправленных традиций были интеграция и дезинтеграция системы военного образования с гражданской школой. В первой половине XVIII в., в силу неразвитости системы гражданского образования как таковой, военная школа была вынуждена выполнять ее задачи. Тем самым обеспечивалась вынужденная, а не целенаправленная интеграция военного и гражданского образования – кадетский корпус был университетом, выпускники которого могли назначаться на любые должности. По мере открытия высших, средних и начальных гражданских учебных заведений кадетские корпуса не теряли с ними связи. В Екатерининскую эпоху педагогические принципы, выдвинутые И.И. Бецким, были положены в основу деятельности не только Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, но и Смольного института. Другой известный педагог, Ф.И. Янкович де Мириево, чьими трудами была создана система народных школ, являлся организатором учебной части в Сухопутном, Морском, Артиллерийском и инженерном шляхетных кадетских корпусах[1].

В начале XIX в. ставка была сделана на разделение систем военного и гражданского образования, и основная задача военно-учебного ведомства свелась к подготовке как можно большего количества офицеров в максимально сжатые сроки. Тогда же, в александровское царствование, появилась, а в николаевское достигла своего апогея традиция милитаризации всех государственных структур. Система образования не стала исключением: в 1822 г. в подчинении военного ведомства оказался даже Царскосельский лицей. Это, разумеется, не означало, что все были поставлены под ружье в буквальном смысле слова. Главный директор кадетских корпусов генерал-адъютант Н.И. Демидов полагал, что для лицеистов, как и для кадет, «…возможнейшее совершенство по фронтовой части есть только третьестепенное достоинство; главнейшее же состоит в чистейшей нравственности, а за сим в надлежащем познании в науках»[2]. Тем не менее определенный процент лицеистов в период пребывания заведения в составе военно-учебного ведомства был выпущен офицерами в гвардию.

После смерти Николая I в русской армии начались серьезные преобразования. Они не обошли стороной и систему подготовки офицеров: в ходе военно-учебной реформы старые николаевские корпуса

[1] Янкович де Мириево Ф.И. // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. – М.: ВЛАДОС, 2002. Т. 3. URL: https://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарный словарь/Янкович де Мириево Фед. Ив. (дата обращения: 22.12.2014)

[2] Селезнев И.А. Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 г. – СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1861. – С. 233.

исчезли, дав жизнь военным гимназиям и военным училищам. Однако образовательные традиции, созданные в ходе работы отечественной военной школы, начиная с петровских Школы математических и навигацких наук и Академии морской гвардии, не были полностью перечеркнуты. Лучшие из этих традиций нашли продолжение и в «милютинских» военно-учебных заведениях, и в восстановленных в 1882 г. кадетских корпусах.

Библиография/References:

Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. – 1846. – Ч.1. – № 2. – С. 33–46.

Высочайше утвержденное положение о Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XIII. – Отд. 2-е. – 11635 с.

Глебов П.Н. Военно-учебные заведения, подведомственные Е.И.В. главному их начальнику в царствование императрицы Екатерины II // Отечественные записки. – 1845. – Т. 42. – № 10. – С. 60-78.

Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 463 с.

Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа: (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): Дис. ... канд. пед. наук. – М.: МПГУ, 1996. – 168 с.

Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. – СПб., 1849. – 185 с.

О незачислении кандидатами в кадетские корпуса детей лиц, происходящих не из дворян // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. VIII. – Отд. 1-е. – 5982 с.

Об учреждении кадетского корпуса // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. VIII. – 5811 с.

Селезнев И.А. Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 г. – СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1861. – 726 с.

Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. – СПб., 1766. – 24 с.

Янкович де Мириево Ф.И. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. – М.: ВЛАДОС, 2002. Т. 3. URL: https://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарный словарь/Янкович де Мириево Фед. Ив. (22.12.2014)

Danchenko, V.G., Kalashnikov, G.V. (2007) Kadetskij korpus. Shkola russkoj voennoj jelity [Cadet corps. The school of Russian military elite]. – M.: ZAO Centrpoligraf. – 463 p. (In Russ.)

Glebov, P.N. (1845) Voenno-uchebnye zavedenija, podvedomstvennye E.I.V. glavnomu ih nachal'niku v carstvovanie imperatricy Ekateriny II [Military schools, which are subordinated to their Principal chief, during the

Rule of Empress Catherine II] // Otechestvennye zapiski, – T. 42., – № 10. – P. 60-78. (In Russ.)

Jankovich de Mirievo, F.I. (2002) Rossijskij gumanitarnyj jenciklopedicheskij slovar': V 3 t. – M.: VLADOS. – T. 3. - URL: https://slovari.yandex.ru/книги/Гуманитарный словарь/Янкович де Мириево Фед. Ив. (In Russ.)

Kozhuhov Ju.V. (1996) Problema vzaimootnoshenij mezhdu vospitateljami i vospitannikami v uchebnyh zavedenijah zakrytogo tipa: (Na materialah kadet. korpusov i voen. gimnazij) [The problem of relationship between educators and pupils in boarding schools (On the materials of cadet corpses and military schools], dis. ... kand. ped. Nauk. – M.: MPGU. – 168 p. (In Russ.)

Nastavlenie dlja obrazovanija vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij. Vysochajshe utverzhdeno 24 dekabrja 1848 g. [Instruction for the education of pupils in military schools. Royally approved on January 24, 1848] SPb., 1849. – P. 2. (In Russ.)

O nezachislenii kandidatami v kadetskie korpusa detej lic, proishodjashhih ne iz dvorjan [About non-admission of children of commoners as candidates of the cadet corpses]. PSZRI, sobr. 2-e. – T. VIII, otd. 1-e, 5982 p. (In Russ.)

Ob uchrezhdenii kadetskogo korpusa [About creating of the cadet corps]. PSZRI, Sobr. 2-e, T. VIII, 5811p. (In Russ.)

Seleznev, I.A. (1861) Istoricheskij ocherk Imperatorskogo, byvshego Carskosel'skogo, nyne Aleksandrovskogo liceja za pervoe ego pjatidesjatiletie, s 1811 po 1861 g. [Historical outline of Imperial (former Carskosel'skij, now Alexandrovsky) during the first fifty years of its existence, 1811-1861] – SPb.: Tipografija V. Bezobrazova i komp. – 726 p. (In Russ.)

Ustav Imperatorskogo shljahetnogo suhoputnogo kadetskogo korpusa [The Statute of Imperial Gentry Land Cadet Corps]. – SPb., 1766. – 24 p. (In Russ.)

Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o Shkole gvardejskih podpraporshhikov i junkerov [Royally approved statute of School of guard ensignes and cadets]. // PSZRI, sobr. 2-e, T. XIII, otd. 2-e, 11635 p. (In Russ.)

Vzgljad na proshedshee. Pervyj kadetskij korpus. Volyn' i dal'nejshie snoshenija moi s Miloradovichem. F. Glinki. (Otryvok 3-j) [Look at the past. The First Cadet Corps. Volyn' and my further relations with Miloradovich. By F. Glinka. (Extract 3)]. Moskvitjanin. – 1846. – Ch.1. – № 2. – P. 33-46. (In Russ.)